

ЗАПИСКИ

КОЛЛЕГИИ ВОСТОКОВЕДОВ

ПРИ АЗИАТСКОМ МУЗЕЕ

АКАДЕМИИ НАУК
Союза Советских Социалистических Республик

ТОМ II

(с 4 таблицами и 5 рисунками в тексте)

ЛЕНИНГРАД
ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
1927

Записки Коллегии Востоковедов, II.

Mémoires du Comité des Orientalistes.

Памяти И. П. Кузьмина.¹

Сегодня день трагизма для восточной секции Института; смерть, точно желая показать свое могущество, вырвала сильной рукой первое и последнее звено нашей цепи — профессора В. Д. Смирнова и преподавателя И. П. Кузьмина, старшего и младшего, действительного члена Института и только что утвержденного научного сотрудника. Пятьдесят лет разделяет начало их работы в Университете: Смирнов был оставлен для подготовки к профессорскому званию в 1870 году, Кузьмин избран преподавателем в 1920-м. Но только три дня отделяют даты их смерти. Пятьдесят лет и три дня стали рядом, и как-то стерлись для нас перед этим зрелищем людские категории времени. Один миг, одна минута, кажется мне, прошла с того заседания Филологического Отделения Факультета Общественных Наук, когда только два года тому назад я внес предложение об избрании оставленного при Университете Кузьмина преподавателем по кафедре исламоведения. Тяжко теперь вспоминать картину, которая мне рисовалась при этом предложении. Кафедра исламоведения, органически выросшая из кафедры арабской филологии, получила свое осуществление, несмотря на долгие старания Факультета Восточных Языков, только с реформой 1919 года; теперь, казалось мне, наступал момент, когда ее существование будет закреплено специально к этому подготовлявшимся лицом. Не прошло и двух лет после этого представления, как приходится подводить разбивший все мечты итог по обеим линиям — и кафедры, и человека. С новой реформой Университета в 1921 году кафедра исламоведения оказалась уничтоженной и, нужно говорить прямо, не в силу сокращения штатов, потому что в таком случае самостоятельное существование ее, конечно, удалось бы отстоять, как удавалось и многое другое; нет, к этому времени отчетливо уже почувствовалось отсутствие живых сил для ее поддержания. Основной

---

¹ Прочитано в заседании Научно-Исследовательского Института имени А. Н. Веселовского при Петроградском Университете 10 июня 1922 г.

и полноправный представитель ее переехал в Ташкент, а теперь судьба как бы желая подтвердить наши опасения, отняла и того, кто предназначен был его заменить.

Слабая человеческая личность не удовлетворяется простым принятием законов мира, которые направляют наше бытие: в узеньких рамках жизни хочется найти какое-то утешение, потому что без него тяжело и жутко жить в наше жуткое время. И подводя теперь итог, с удовлетворением можно видеть, что наследие И. П. Кузьмина не только в тех разбитых субъективных надеждах, которые всегда так хочется связать и учителям, и товарищам со всякой даровитой молодостью; целый ряд объективных, уже закрепленных нерушимо, данных говорит о том, чего можно достичь при энергии в наше время. Может быть в этом и есть утешение для оставшихся.

Кузьмин получил свое ученое крещение и даже рождение в годы войны и революции; для нас, современников тяжелых и суровых годин, все этим сказано. Но была и в его индивидуальности одна черта, которая, переплетаясь с внешними событиями иногда усложняла жизнь больше, чем у других современников, более уравновешенных, может быть менее сложных. В Университет он поступил в 1914 году 21 года от роду, т. е. приблизительно года на два позже обычного срока окончания гимназии. Произошло это отнюдь не по слабой успешности в среднем учебном заведении, а потому, что он отправился в круговое путешествие юнгой на торговом пароходе. И вот, это стремление к неизведанному, неусыпная пытливость духа, направлявшаяся в самые разнообразные области, не только научные, но и житейские, никогда не давала ему устойчивости, полной убежденности в том, что настоящее место есть для него настоящее, что оно задержит его надолго. «Даль зовет» — он чувствовал этот призыв не только в области физической — в стремлении к путешествиям, но и в духовной. То юнга на пароходе, то участник бродячего оркестра летом на Волге, то приятель заводских рабочих — во всех облициях он сохранял свою живость и стремящийся проникнуть в самую суть дела интерес. Арабская философия и филология приковали его к себе прочно и окончательно, но самый выбор был обусловлен, вероятно, такими же случайными импульсами, как и большинство его поступков до последнего почти времени. Среда, из которой он вышел, не давала никакой почвы для интересов востоковеда и здесь роль личности сказалась вполне ясно. Не нужно особо оттенять, насколько мало способствовали планомерной работе в Университете последние восемь лет — постоянные мобилизации, революционные перерывы, хронические реформы всем нам памятные. Для характеристики достаточно отметить, что из восьми студентов мусульманского разряда, перешедших в 1915 году

с Кузьминым на 2-й курс, Университет кончил только он один и из этих восьми уже трех нет в живых, а три пропали без вести. Если несмотря на всякие препятствия со стороны внешней и внутренней жизни, он не только не изменил намеченному в Университете пути, но и достиг солидных результатов, то это объясняется преимущественно двумя условиями — способностью к большой интенсивности работы в каждый данный момент, независимо от того, куда бы она ни направлялась, и той средой, в которую ввела его научная работа. Если наука засасывает прикоснувшегося к ней с серьезным интересом, то еще более засасывает среда научных работников. Раньше мы не всегда могли оценить эту силу, склонны были относиться к ней презрительно, смешивая иногда ее с слепой кастовой привязанностью, но великая школа последних лет обнаружила, что эта сплоченность часто оказывалась для нас едва ли не единственно реальным в жизни. Развертывая всю мощь единения, созданного на основе единства высших запросов, она иногда развертывала и всю красоту человеческой личности — высшего что есть на земле. Особенно остро чувствовали мы это в те моменты, когда приходилось или хотелось покинуть Россию или Петроград; остро почувствовал это Кузьмин в последний самый тяжелый год его жизни, когда снова послышался «призыв дали», а внешние обстоятельства назойливо твердили о всем дон-кихотстве увлечения чистой наукой в наши дни. После тяжких колебаний он увидел, что нельзя уйти из этой среды тому, кто духовно с ней сжился; может быть, его конец и служит доказательством того, что лучше смерть, чем духовное одиночество, духовная смерть оторванного от той почвы, на которой он духовно вырос.

Если после этого взглянуть на те восемь лет учебно-ученой работы, которые судьба так скупно отпустила Кузьмину, то нас не удивит, что в них чувствуется внутреннее единство основного течения, несмотря на все его извивы. Уже в Университете, пройдя серьезную историческую школу у проф. Бартольда, он сосредоточил свои занятия преимущественно в области исламоведения под руководством проф. Шмидта; разные отрасли арабской филологии изучались им у меня, мусульманское искусство у Я. И. Смирнова; у него он, к сожалению, оказался одним из последних учеников. Рано оформившийся интерес к вопросам религиозно-философского мышления мусульман побудил его, для расширения философского горизонта, принять участие в серии курсов и семинариев у проф. Введенского, Лапшина, Лосского. В дополнение к этому по окончании Университета он серьезно занялся историей средневековой европейской философии под руководством проф. Миртова. Основательная общая подготовка выгодно сказалась уже на его студенческой работе «Вопрос о предопределении и свободе воли в Коране»—

тема кардинальная не только для ислама, но вероятно и для всякой другой религии. Вопрос, если и не был решен окончательно, что едва ли возможно, то разработан, по отзыву проф. Шмидта, очень серьезно. Особенную ценность труду придало выяснение связи между воззрениями Фахр-ад-дина ар-Рази, богослова XII века, и современных модернистов в исламе, в частности бывшего великого муфтия Египта Мухаммеда 'Абдо.

В 1918 году Кузьмин окончил курс и был оставлен по кафедре исламоведения. Стремление к новым областям на время вернуло его к мусульманскому искусству, главным образом, к эпиграфике и тесно связанному с ней орнаменту. Он работал над разбором надписей с туркестанских мечетей и надгробий в Академии Истории Материальной Культуры, изучал мусульманские бронзовые сосуды Эрмитажа. Помимо моей воли заражал его и мой интерес к различным областям арабской филологии, тем более, что состоявшийся около этого времени переезд проф. Шмидта в Ташкент оставил меня уже единственным руководителем Кузьмина по специальности. Из мелких работ им за это время был выполнен новый перевод арабской версии повести об Акире Премудром, напечатанный в 1920 году. В том же году вышел в свет и большой его труд — перевод психологического этюда Ибн Туфейля, испанского философа XII века «Живой сын бодрствующего». Эта работа сыграла решающую роль в окончательном закреплении его интереса за арабской философией. Смелая попытка обрисовать зарождение и развитие человеческого интеллекта и интуиции вне обычных рамок людской среды и традиционного воспитания создала это замечательное произведение арабско-испанской философии, быть может один из интереснейших памятников средневековой литературы вообще. Оно не могло не увлечь Кузьмина глубже, чем это требовалось только для добросовестного перевода. В работе над Ибн Туфейлем у него были серьезные предшественники уже в XX веке. Если испанца Pons Voigues можно было считать только хорошим филологом, к которому нельзя предъявлять особо строгих философских требований, то француз Gauthier считается одним из немногих в Европе специалистов по арабской философии.¹ Однако, серьезный анализ, произведенный Кузьминым над его работой, показал, насколько она неудовлетворительна прежде всего с общепhilosophической точки зрения; здесь мы опять имеем дело только с филологом, который при одном знании арабского языка наивно полагает, что для него доступны все области арабской мысли. Увлеченный Ибн Туфейлем, именно его Кузьмин наметил объектом магистерской диссертации. Основательная переработка арабского философского

---

¹ См. теперь анализ всех трех переводов выше в работе Д. К. Петрова, стр. 76—79.

материала, хорошее знакомство с греческим и средневековым европейским позволяли надеяться, что в этой работе мы получим труд, который одинаково удовлетворит и филолога и философа, — получим одну из тех монографий, которые только и создадут настоящую историю арабской философии, арабской мысли. Лишь слабое представление об этой работе Кузьмина дает статья, приложенная им к переводу Ибн Туфейля, так как надо иметь в виду, что все специально разработанные им вопросы здесь сознательно изъяты в виду самой задачи издания.

Успех перевода Ибн Туфейля подал нам идею дать русскому читателю ряд произведений арабской философской или философствующей мысли, которые по своей форме представляют самостоятельную литературную ценность. Кузьмин с обычной живостью взялся за выполнение этой идеи. В первую очередь в хронологическом порядке нами был намечен перевод арабской Калилы и Димны, при том не по более поздней хорошо известной версии, а по той ранней, еще лишенной яркого мусульманского налета, которая была издана в Бейруте в 1905 году. Эта работа была им почти закончена и можно надеяться, что она когда-нибудь увидит свет. И здесь попутно Кузьмин произвел одно интересное наблюдение: об отношении слога переводчика Калилы и Димны Ибн аль-Мукаффы к стилю его собственных произведений. Этот вопрос до сих пор не был затронут в науке, так как сочинения его опубликованы лишь недавно в Египте. Судя по тем соображениям, которые высказывал Кузьмин в беседах со мной, и здесь могла получиться интересная монография историко-литературного характера. Вслед за Калилой и Димной по нашему плану должна была идти энциклопедия «Верных братьев» X века; для перевода была намечена последняя глава — известная и в мировой литературе сказка «О человеке и животных перед судом царя гениев». Работа была только начата, но оказалась прерванной на третьем листе. В таком же положении остался и третий том предположенной серии, в который должен был войти один или несколько трактатов ал-Газали. Выбор решило одно внешнее обстоятельство: незадолго перед тем в Азиатский Музей Российской Академии Наук поступила одна очень хорошая рукопись известного трактата *Destructio philosophorum*, повидимому, с более древней датой, чем те, на которых основаны существующие исследования.¹ Насколько мне известно, Кузьмин успел только проработать и частью скопировать текст для задуманного им критического издания, но к переводу еще не приступал.

На ряду с научной работой, интенсивность которой ярко характе-

---

¹ Об этой рукописи см. теперь мои статьи в ДАН — В, 1925, стр. 47—49 и 72—73.

ризуется не только тем, что предположено было сделать, но и тем, что было осуществлено, у Кузьмина развивалась и преподавательская. Недостаток научных сил заставил его приступить к ней, к сожалению слишком рано — уже через два года по окончании Университета и при том сразу в двух учебных заведениях: в Университете и вновь возникшем Институте Живых Восточных Языков. В связи с его специальными занятиями стоял и первый прочитанный им в Университете курс — истории арабской религиозной философии, который обещал вылиться в серьезную работу. Много сил потребовал от него Институт, так как с самого основания вся арабская часть лежала исключительно на нем. Здесь ему пришлось вести все занятия по языку, а в то же время готовить курсы и обзоры общего характера. В первый год им был прочитан общий очерк исламоведения, во второй — начат курс мусульманского права; полное отсутствие русских пособий по этим областям может уже показать, насколько много усилий требовали такие курсы от составителя. В Институте Кузьмин был втянут быстро и в организационно-административную деятельность, как член правления и ученый секретарь совета.

За последний год почти все время уходило у него, как и у нас, на мелочи текущей работы, но точно в силу закона известной реакции мысль интенсивнее направлялась в сферу специальных занятий. Та же реакция поддерживала и колебания воли, когда все внешние обстоятельства казалось говорили о несвоевременности занятий чистой наукой. Только этим и можно объяснить продуктивность, которая при подведении итогов не может не броситься в глаза; и нельзя забывать, что эта продуктивность падает на одинаково для всех нас тяжелые годы 1918 — 1921. Может быть в этих результатах короткой жизни и есть то удовлетворение, которое ощупью приходится искать оставшимся.

Нам — учителям Кузьмина — утешения не надо. Как севастопольские солдаты, которым месяц зачитывался за год, мы давно выслужили свои сроки и имеем право на отдых, но мы забытые часовые и не уйти нам со своего поста; а если не подойдет смена, мы на нем и кончим жизнь. Так судила судьба и в этом может быть скрытая от нас мудрость. Но на товарищах и будущих преемниках Кузьмина лежит великий долг: показать, что они, помилованные роком, могут сделать больше, чем наш молодой рано отшедший друг.

И. Крачковский.